

Оригинальная научная статья

**Социально-правовые предпосылки
защиты имущественных интересов подозреваемого
и обвиняемого при применении мер принуждения**

Т. Т. Баязитов

*Коллегия адвокатов г. Москвы «Корчаго и партнеры», Адвокатская палата г. Москвы,
Москва, Российская Федерация*

✉ tim_ka_256@mail.ru

Аннотация. Современное развитие общественных отношений не может рассматриваться изолированно от экономической основы жизни человека. С учетом последовательного становления института частной собственности и имущественной сферы формируются новые правила взаимоотношений государства и личности. На этом фоне важное значение имеют вопросы, связанные с реализацией репрессивной функции государства. Процесс расследования преступной деятельности нередко затрагивает имущественные интересы участников уголовного процесса. При этом закрепленные в законодательстве правила данного вида государственной деятельности не всегда учитывают изменившийся формат экономических взаимоотношений физических и юридических лиц. В статье обозначается проблема отсутствия адаптации уголовно-процессуального законодательства к фактически сложившимся отношениям в рассматриваемой области общественной жизни. Поднимаются вопросы взаимодействия уголовно-процессуального и гражданского законодательства. Отмечается отсутствие комплексного подхода к регулированию вопросов защиты имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого при применении мер процессуального принуждения. Несмотря на сформулированный в Конституции Российской Федерации общий, благоприятный для подозреваемого, обвиняемого подход к этой области отношений, на уровне межотраслевого регулирования наблюдаются множественные противоречия. В работе констатируется потребность в комплексном регулировании особенностей применения к указанным участникам уголовного процесса мер принуждения имущественного характера. Этому способствует судебная практика. Исследуемые в статье решения Конституционного Суда Российской Федерации подталкивают законодателя к новым реформам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На это его нацеливают и некоторые отмеченные в работе программные политические заявления высшего руководства страны. Анализ исследуемой научной проблемы осуществляется с учетом действующих норм международного права, а также на основе сформировавшегося исторического опыта отечественного порядка регулирования правил расследования и судебного разбирательства по уголовным делам. В исследовании сделан акцент на применении таких мер имущественного воздействия на личность, как залог, заключение под стражу, наложение ареста на имущество и других. Выводы строятся с учетом статистических показателей и результатов анкетирования практических сотрудников следственных подразделений различных ведомств и адвокатского корпуса.

Ключевые слова: меры принуждения, залог, наложение ареста на имущество, заключение под стражу, имущественные интересы, интересы подозреваемого, обвиняемого

Для цитирования: Баязитов Т. Т. Социально-правовые предпосылки защиты имущественных интересов подозреваемого и обвиняемого при применении мер принуждения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 2. С. 189–202. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-2-189-202>. EDN: <https://elibrary.ru/vmntgb>

Original scientific article

Social and Legal Prerequisites for Protecting the Property Interests of the Suspect and the Accused in the Application of Coercive Measures

T. T. Bayazitov

Moscow City Bar Association "Korchago and Partners", Moscow Chamber of Advocates,
Moscow, Russian Federation

✉ tim_ka_256@mail.ru

Abstract. The modern development of social relations cannot be considered in isolation from the economic basis of human life. Taking into account the consistent formation of the institution of private property and the property sphere, new rules for the relationship between the state and the individual are being formed. On this background, issues related to the implementation of the repressive function of the state are of great importance. The process of investigating criminal activity often affects the property interests of the participants in the criminal process. At the same time, the rules of this type of state activity enshrined in the legislation do not always take into account the changed format of economic relations between individuals and legal entities. The article deals with the problem of the lack of adaptation of the criminal procedural legislation to the actual relations in the area of public life. Questions of interaction between criminal procedure and civil legislation are described here. There is a lack of an integrated approach to regulating the issues of protecting the property interests of the suspect, the accused in the application of measures of procedural coercion. Despite the general approach in this area of relations formulated in the Constitution of the Russian Federation, which is favorable for the suspect and for the accused, there are multiple contradictions at the level of intersectoral regulation. The paper states the need for a comprehensive regulation of the features of the application of coercive measures of a property nature to the specified participants in the criminal process. Judicial practice contributes to this process. The decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation studied in the article forces the legislator to new reforms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Some of the programmatic political statements of the country's top leadership noted in the work contributes this process. The analysis of the scientific problem under study is carried out taking into account the existing norms of international law, as well as on the basis of the formed historical experience of the domestic procedure for regulating the rules of investigation and trial in criminal cases. The study focuses on the application of such measures of property impact on a person as bail, custody, seizure of property and others. The conclusions are made taking into account statistical indicators and the results of a survey of practical employees of the investigative departments of various departments and the lawyer corps.

Keywords: coercive measures, pledge, seizure of property, custody, property interests, the interests of the suspect, the accused

For citation: Bayazitov T. T. Social and Legal Prerequisites for Protecting the Property Interests of the Suspect and the Accused in the Application of Coercive Measures. *Siberian Law Review*. 2023;20(2):189-202. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-2-189-202>. EDN: <https://elibrary.ru/vmntgb> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы законодательной регламентации вопросов защиты имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого при применении мер уголовно-процессуального принуждения в последнее время имеют тенденцию к актуализации. В значительной степени это связано с тем, что действующие в рамках уголовно-процессуального законодательства механизмы правового регулирования имущественной сферы не вполне учитывают современные социально-экономические условия жизни. Предусмотренные ст.ст. 106, 115, ч. 2 ст. 160 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), другими положениями закона правила не всегда рассчитаны на существующий формат общественных отношений, охватывающий вопросы собственности. Кроме того, разная отраслевая принадлежность норм, регулирующих оборот имущества, способствует созданию противоречий на уровне как законодательства, так и судебной практики. Из-за накопившихся в данной области проблем под угрозой нарушения нередко находятся конституционные права граждан. В отдельных случаях в рамках рассматриваемой проблематики на эти недостатки обращал внимание Конституционный Суд РФ¹. В силу требований ст.ст. 34, 35, 36 Конституции РФ государство обязано обеспечить реализацию законных интересов человека, связанных с вопросами собственности.

Данный подход определяет вектор развития соответствующих отношений с уче-

том особенностей правового регулирования правил расследования преступной деятельности и судебного разбирательства. При этом положение, предусмотренное ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускает ограничение федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Опираясь на данную норму, О. О. Небратенко справедливо отмечает, что «право собственности не является абсолютным, несмотря на свой естественный и неотчуждаемый (в конституционно-правовом смысле) характер» [1, с. 51].

Развивая мысль автора, важно отметить, что право собственности может подлежать ограничению на уровне отраслевого законодательства, в частности, норм УПК РФ, что особенно заметно в системе мер уголовно-процессуального принуждения. При этом вводимые ограничения должны быть соразмерны. Как отмечается в одном из решений Конституционного Суда РФ, «принцип соразмерного ограничения прав и свобод, закрепленных в ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ, означает, что публичные интересы, перечисленные в данной конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям»². В этом контексте Ф. М. Кудин констатирует, что «стеснение прав не может быть беспредельным, не ограниченным определенными рамками, ибо в таком

¹ См., напр.: *По делу* о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 31 янв. 2011 г. № 1-П // Рос. газ. 2011. 11 февр. ; *По делу* о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 июня 2021 г. № 29-П // Рос. газ. 2021. 2 июля ; и др.

² *По делу* о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 14-П // Рос. газ. 1996. 2 июля.

случае возможна трансформация принуждения из правоохранительного средства в орудие произвола» [2, с. 13].

Кроме положений Конституции РФ, необходимость защиты имущественных интересов человека закреплена также в нормах международного права. К наиболее заметным документам в этой области можно отнести Всеобщую декларацию прав человека (ст. 17)³ и Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (ст. 1 протокола от 20 марта 1952 г. № 1)⁴. В них сформулирован запрет на произвольное лишение человека его имущества, определена возможность свободного владения им и другие права. Предусматривается, что в случае их нарушения каждый человек имеет право на эффективное восстановление своего прежнего положения.

Наряду с охранительными нормами, этими документами предусматривается возможность введения и некоторых мер воздействия на личность. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Сходные положения можно увидеть в Международном пакте о гражданских и политических правах (п. 3 ст. 12)⁵, Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 11).

Закрепленный на международном уровне подход сочетается с содержанием ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, определяя до-

полнительные правовые предпосылки для формирования системы законодательных установлений, направленных на применение мер воздействия на личность. Как отмечает Б. Б. Булатов, «стремясь обеспечить в сфере уголовного процесса баланс между интересами личности, особенно конституционными правами и свободами граждан, и необходимостью осуществления уголовного судопроизводства, законодатель регламентирует основания, условия, порядок и пределы используемых при производстве по уголовным делам мер государственного принуждения» [3, с. 6].

Конкретизируя данный подход применительно к имущественным отношениям, указанный автор отмечает, что «законодатель последовательно исходит из того, что прежде чем наложить арест на имущество лица, чьими преступными действиями причинен вред, необходимо доказать причастность такого лица к совершению этих действий путем привлечения его по уголовному делу в качестве подозреваемого или обвиняемого. Иначе орган расследования, прокурор получили бы формально-юридические основания для направления в суд ходатайства о применении к лицам, против которых еще не начато уголовное преследование, меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, затрагивающей конституционное право гражданина иметь имущество в собственности (ст. 35 Конституции РФ)» [3, с. 197–198].

Таким образом, закрепленные в Конституции РФ и нормах международного права положения допускают применение некоторых ограничительных мер с учетом ряда условий. Детализированные в отраслевом законодательстве, они

³ Всеобщая декларация прав человека : принята Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. 1998. 10 дек.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г., с изм. от 24 июня 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленар. заседании Генер. Ассамблеи ООН // Вед. Верхов. Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

предусматривают существенные ограничения для государственных органов и должностных лиц при применении мер принуждения. В УПК РФ реализовано требование, предполагающее наличие специального порядка, определенного законом, создающего гарантии защиты указанных прав. Важным его элементом выступает судебный механизм принятия решения, направленного на ограничение имущественных интересов лица (например, ст.ст. 29, 106, 115 УПК РФ). Данный законодательный подход подчеркивает достаточно высокий уровень защиты имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого при применении мер уголовно-процессуального принуждения, обусловленный большим социальным значением рассматриваемых вопросов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ

На базе изложенных выше правовых основ анализируемой проблемы активно развивается идея об имущественном воздействии на личность и, соответственно, необходимости выделения мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. В юридической литературе отмечается высокая эффективность имущественного воздействия на личность [4, с. 30; 5; 6]. Меры процессуального принуждения, в основе которых заложен имущественный интерес, имеют хороший правоохранный потенциал. В ряду других форм воздействия на личность (физическое, психическое) данное направление с учетом исторических особенностей становления уголовно-процессуальных отношений современных тенденций обладает перспективами для развития.

В текущий исторический период это связано с государственной поддержкой института частной собственности (ст.ст. 34, 35, 36 Конституции РФ). Сходные тенденции можно было наблюдать во второй половине XIX в. На фоне проводимых реформ, вызванных отменой крепостного права, других социально-экономических преобразований в Российской Империи получили свое развитие и имущественные отношения. Их расширенный учет был замечен при применении мер уголовно-процессуального принуждения. Так, в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) имелась достаточно развернутая для того исторического периода законодательная регламентация залога (п. 4 ст. 416, ст.ст. 418, 423–427 УУС). В отношении отдельных участников уголовного процесса использовалось денежное взыскание (ст.ст. 69, 323, 328, 438 УУС). В целях обеспечения наказания в виде денежного взыскания, конфискации имущества применялась мера принуждения в виде наложения ареста на имущество (ст.ст. 268, 305, 1159 УУС)⁶.

Переход к новой экономической формации в 1917 г. привел к уменьшению роли данной формы воздействия на личность при производстве по уголовным делам. Отмечалось, что некоторые из них (в частности, залог) были «привилегией» буржуазии и других обеспеченных слоев населения, за деньги покупающих себе досудебную свободу [7, с. 8; 8, с. 54]. По этому поводу И. Б. Тутынин говорит, что меры пресечения имущественного характера на тот момент противоречили ценностным установкам, социально-политическим и социально-экономическим потребностям и интересам, а система мер процессуального принуждения приобрела классовые черты [4, с. 80].

⁶ Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами министра юстиции. 6-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1913. С. 462.

Под влиянием нового подхода в первые годы советской власти меры процессуального принуждения в виде залога и имущественного поручительства, хотя и были предусмотрены законом (ст.ст. 152, 153 УПК РСФСР 1923 г.), но также подвергались критике⁷ [9, с. 33]. Под влиянием ряда факторов, преимущественно идеологического характера, V съезд деятелей советской юстиции, следуя классовому принципу, признал необходимым исключение из УПК РСФСР мер пресечения в виде имущественного поручительства и залога⁸. Тем не менее разработчики УПК РСФСР 1960 г. не стали отказываться от такой меры пресечения, как залог (ч. 2 ст. 89, ст. 99). В условиях отсутствия в тот исторический период института частной собственности ее применение не нашло широкого распространения в правоприменительной деятельности⁹.

Помимо этого, велась дискуссия о возможности при помощи мер имущественного обеспечения явки достичь и других задач правосудия. В частности, обсуждался вопрос о том, могут ли имущественное поручительство и залог применяться в целях обеспечения гражданского иска¹⁰. П. И. Люблинский в ходе анализа уголовно-процессуального законодательства отмечал, что «задача обеспечения неуклонения и задача обеспечения взыскания за вред и убытки расчленены»¹¹. Другими словами, они не совпадают между собой. Кроме того, он указывал, что «присвоение залогу функции обеспечения гражданского иска существенно

ослабляет прямую задачу залога служить средством обеспечения неуклонения от суда. Обвиняемый уже меньше придает значения возможности утраты залога при уклонении, так как он считает, что в случае его явки все равно этот залог возвращен ему не будет»¹².

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ

Ситуация существенным образом менялась после смены политического режима в стране в начале 1990-х гг. Первый этап был связан с принятием Конституции РФ, в которой был закреплён институт частной собственности (ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 9, ч. 1 ст. 35, ч. 1 ст. 36), второй – с принятием УПК РФ. По мере развития института частной собственности, экономических отношений в стране стала заметна тенденция усиления роли имущественного воздействия на личность. В юридической литературе постоянно проводится мысль о необходимости замены меры пресечения в виде заключения под стражу другими способами обеспечения надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого, в том числе имущественного характера [10–13].

Этот подход во многом сформировался под влиянием общих политических установок высших органов государственной власти страны. Например, в послании Президента РФ Федеральному Собранию

⁷ Люблинский П. И. Меры пресечения. Комментарий к ст.ст. 143–161 Уголовно-процессуального кодекса. 3-е изд., испр. и доп. М.: Кооперат. изд-во «Право и жизнь», 1926. С. 38.

⁸ Там же.

⁹ См., напр.: Булатов Б. Б. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей: учеб. пособие. Омск: Омск. высш. шк. милиции МВД СССР, 1984. С. 47–50.

¹⁰ В соответствии со ст.ст. 152, 153 УПК РСФСР 1923 г. залог вносился на депозит суда, имущественное поручительство состояло в письменном обязательстве уплаты определенной суммы со стороны платежеспособного лица.

¹¹ Люблинский П. И. Указ. соч. С. 39.

¹² Там же. С. 38–40.

от 12 ноября 2009 г. Д. А. Медведев отмечал необходимость совершенствования залога для его расширенного применения в правоприменительной деятельности¹³. Кроме того, положение, предусмотренное ч. 7¹ ст. 108 УПК РФ, формирует предпосылки для более активного применения указанной меры пресечения в случае отказа в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу подозреваемого или обвиняемого. Данное положение развивается в ч. 7 ст. 106 УПК РФ, создавая оптимальные условия для применения залога [14]. Помимо этого, Верховный Суд РФ в одном из своих решений отмечает, что при разрешении ходатайств об избрании в исключительных случаях заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести судам следует обсуждать возможность применения иной, более мягкой меры пресечения¹⁴. В рассматриваемом контексте очевидно, что среди иных, более мягких мер пресечения вполне может рассматриваться залог.

Несмотря на изменение идеологической парадигмы, отношение к мерам процессуального принуждения имущественного характера в общественном сознании остается достаточно спорным. Превазирует суждение о том, что некоторые из них (в частности, залог) обеспеченным гражданам позволяют нивелировать репрессивные начала уголовного преследования, связанные с применением мер процессуального принуждения. Опрос следователей показал, что этой позиции придерживается 64 % респондентов. Среди адвокатов доля таких ответов несколь-

ко ниже – 52 %. При этом подавляющая часть респондентов уверена, что залог как мера пресечения имущественного характера, с точки зрения достижения ее целей, достаточно эффективна – 89 %.

Изучение судебной практики, касающейся применения мер принуждения имущественного характера, показало, что в 2021 г. судами было удовлетворено 38 684 ходатайства об аресте имущества (ст.ст. 115, 116 УПК РФ), 6 302 ходатайства о продлении срока применения указанной меры процессуального принуждения (п. 9¹ ч. 2 ст. 29 УПК РФ, ст. 115¹ УПК РФ), 25 ходатайств об избрании меры пресечения в виде залога (ст. 106 УПК РФ)¹⁵. Эти цифры говорят о том, что ограничение права собственности в ходе расследования преступной деятельности происходит достаточно часто, причем большая часть, по данным официальной статистики, приходится на арест имущества. В зависимости от конкретных обстоятельств на имущественную, финансовую, хозяйственную деятельность лица также могут оказывать влияние задержание подозреваемого (ст.ст. 91, 92 УПК РФ), заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ), временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ), домашний арест (ст. 107 УПК РФ), запрет определенных действий (ст. 105¹ УПК РФ), а также подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ).

Ученые, исследующие теоретические основы процессуального принуждения имущественного характера, прогнозируют увеличение экономической составляющей данной сферы. И. Б. Тутынин отмечает, что это будет происходить

¹³ *Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г.* // Рос. газ. 2009. 13 нояб.

¹⁴ *О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 // Рос. газ. 2013. 27 дек.

¹⁵ *Форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 года»* // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 22.05.2023).

за счет развития полномочий, связанных с обеспечением сохранности имущества и жилища обвиняемого (подозреваемого), в случае лишения его свободы, ограничения или запрета участия в гражданско-правовых сделках, ограничения права пользоваться и распоряжаться имуществом и других подобных причин [4, с. 207].

Данная тенденция усиливается по причине возросшего в последние годы разнообразия имущественных отношений. Появляются новые их виды. Так, гражданским законодательством в 2019 г. введено понятие «цифровые права», которое используется при учете оборота соответствующего вида имущества (ст. 141¹ Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ))¹⁶. Законодатель при регулировании уголовно-процессуальных отношений пока не реагирует на эти изменения. Вместе с тем по отдельным позициям идет постепенное развитие необходимой правовой основы¹⁷. Важным шагом в этом направлении явилось введение в закон понятия «имущество» (п. 13¹ ст. 5 УПК РФ)¹⁸. Введена новая редакция ст. 160¹ УПК РФ, направленная на совершенствование мер по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имуще-

ственных взысканий¹⁹. В октябре 2022 г. законодателем скорректирован порядок применения залога при производстве по уголовным делам²⁰.

Особенности защиты имущественных интересов подозреваемых, обвиняемых, при расследовании преступлений в предпринимательской сфере

Уже несколько лет на фоне защиты интересов финансово-хозяйственной деятельности в государстве развивается законодательный подход, направленный на охрану интересов предпринимателей. В этом явлении достаточно определено видна имущественная составляющая. Данный вывод обусловлен тем, что развитие предпринимательской деятельности связано в первую очередь с обеспечением экономической безопасности страны. Общий посыл, направленный на сокращение репрессивного воздействия на предпринимателей при производстве по уголовным делам, был сформулирован высшим политическим руководством страны²¹.

В своей речи на пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что бизнес надо

¹⁶ О внесении изменений в части первую, вторую и статьи 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Рос. газ. 2019. 20 марта.

¹⁷ См., напр.: О внесении изменений в статьи 81.1 и 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 24 марта 2021 г. № 57-ФЗ // Рос. газ. 2021. 26 марта ; О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 2 авг. 2019 г. № 315-ФЗ // Рос. газ. 2019. 7 авг. ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федер. закон от 18 апр. 2018 г. № 72-ФЗ // Рос. газ. 2018. 20 апр. ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 530-ФЗ // Рос. газ. 29 дек. ; и др.

¹⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 июня 2014 г. № 190-ФЗ // Рос. газ. 2015. 7 июля.

¹⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 530-ФЗ // Рос. газ. 2018. 29 дек.

²⁰ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 7 окт. 2022 г. № 383-ФЗ // Рос. газ. 2022. 11 окт.

²¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Рос. газ. 2018. 2 марта ; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. // Рос. газ. 2019. 21 февр.

мотивировать, а не принуждать к соблюдению норм и требований. Он обратил внимание на подготовку законопроекта о сокращении срока давности по делам о налоговых преступлениях, а также об отказе в возбуждении уголовного дела после полного погашения налоговой недоимки. Предполагается аккуратно и основательно подойти к декриминализации целого ряда так называемых экономических составов. «Необходимо пересмотреть основания для заключения предпринимателей под стражу и продления сроков предварительного следствия. Не секрет, что эти нормы применяются там, где нет объективной необходимости»²².

В марте 2022 г. в УПК РФ были внесены изменения, благодаря которым уголовные дела в отношении предпринимателей по налоговым составам преступлений теперь могут возбуждаться только по представлению налоговой службы²³. По этому поводу Л. М. Фетишева отмечает, что в Российской Федерации наметилась тенденция по созданию особого производства в отношении лиц за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Обвиняемым создают гарантии неприкосновенности от применения мер пресечения с наиболее интенсивным принуждением, в частности, заключения под стражу. По ее мнению, такая политика требует корректировки. Запрет брать предпринимателей под стражу должен быть не категоричным, а условным²⁴.

Рассуждая в этом контексте, необходимо учитывать и другие обстоятельства. Помимо аспекта, связанного с изоляцией осуществляющего предпринимательскую деятельность подозреваемого, обвиняемого от общества, возникают проблемы,

касающиеся управления его имуществом, принятия управленческих решений в соответствующей коммерческой структуре. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 160 УПК РФ следователь (дознатель) обязан принять меры лишь по обеспечению сохранности имущества и жилища задержанного или заключенного под стражу. Неисполнение указанной обязанности органами предварительного расследования может повлечь наступление гражданско-правовой ответственности (ч. 2 ст. 1070 ГК РФ).

Однако в нынешних экономических условиях, особенно если это касается предпринимательской сферы, вести речь лишь о сохранности имущества недостаточно. Нередко требуется принятие мер к его обслуживанию. Может показаться, что предусмотренная ч. 2 ст. 160 УПК РФ норма была сформулирована без учета данного обстоятельства. Полагаем, что это не так. Чтобы обеспечить сохранность, например, крестьянского хозяйства, требуется постоянный уход за ним. Поэтому обслуживание имущества нередко может рассматриваться как условие обеспечения его сохранности [15]. Однако решение такого рода задач силами лица, осуществляющего производство по уголовному делу, с экономической точки зрения неэффективно. С учетом данного обстоятельства политика государства, направленная на сокращение случаев заключения под стражу предпринимателей, представляется оправданной. При таких условиях более целесообразно развивать различные формы имущественного воздействия на личность.

Существенный вклад в совершенствование указанной области правового

²² *Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 22.05.2023).

²³ *О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : федер. закон от 9 марта 2022 № 51-ФЗ // Рос. газ. 2022. 11 марта.

²⁴ *Фетишева Л. М.* Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, применяемых в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 3–8, 16–19.

регулирования вносит судебная практика²⁵. Повышенное внимание органа конституционного контроля к данной проблематике вызвано недостатками законодательного регулирования в УПК РФ имущественной сферы, его несоответствием фактически сложившимися экономическими отношениями в обществе. Речь идет не только об отдельных мерах процессуального принуждения, а об отсутствии общего подхода, связанного с регулированием рассматриваемых отношений. Как отмечает председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, «ограничение права собственности в рамках уголовного судопроизводства является одной из системных проблем взаимоотношений правоохранительных органов и бизнеса». На фоне недостаточного развития уголовно-процессуального законодательства — это одна из «болевых точек» ближайшего будущего [16].

Таким образом, можно признать, что благодаря развитию института частной собственности значение имущественной составляющей при применении мер процессуального принуждения возрастает. Это связано не только с возможностью непосредственного имущественного воздействия на личность, но и с рядом последствий, вызванных спецификой отдельных мер принуждения. На этом фоне необходимость защиты имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого

достаточно высока. Данное направление развития уголовно-процессуального законодательства вызвано необходимостью приведения его в соответствие с конституционными нормами о защите частной собственности и фактически сложившимися экономическими отношениями. С учетом усиливающегося значения рассматриваемых вопросов возникает необходимость оценки данного правового явления с точки зрения принципов уголовного процесса.

Вопросы защиты ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Анализ содержания главы II УПК РФ говорит о том, что вопросы, касающиеся защиты имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого, на принципиальном уровне представлены достаточно скромно. Полагаем, что это связано с двумя факторами. Во-первых, регулирование имущественных отношений является прерогативой разных отраслей права. Преимущественно оно разрабатывается в рамках гражданского законодательства. Достаточно часто применение отдельных положений УПК РФ, предусматривающих имущественные отношения, невозможно без учета требований других законодательных актов.

²⁵ См., напр.: *По делу* о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 31 янв. 2011 г. № 1-П // Рос. газ. 2011. 11 февр. ; *По делу* о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 июня 2021 г. № 29-П // Рос. газ. 2021. 2 июля ; *О применении* судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 26 янв. 2010 г. № 1 // Рос. газ. 2010. 5 февр. ; *О практике* применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 (ред. от 11 июня 2020 г.) // Рос. газ. 2013. 27 дек. ; *О практике* рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 10 февр. 2009 г. № 1 (ред. от 29 нояб. 2016 г.) // Рос. газ. 2009. 18 февр. ; и др.

Во-вторых, на момент разработки и вступления в законную силу УПК РФ регулирование имущественных отношений находилось на этапе активного формирования, вызванного недавней сменой политического режима в стране. В этих условиях объективно отсутствовала возможность учета многих явлений, связанных с оборотом имущества, которые существуют в настоящее время. При этом нельзя отрицать, что учет имущественных отношений в сфере уголовного судопроизводства имеет тенденцию к расширению. В рамках действующих форм принудительного воздействия на личность (залог, наложение ареста на имущество, заключение под стражу и др.) возникают новые аспекты, связанные с защитой имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого.

Отчасти принципиальность положений, регламентирующих вопросы, связанные с защитой имущественных интересов граждан, подтверждена содержанием ч. 3² ст. 6¹ УПК РФ. Однако законодатель ограничился лишь вопросами, связанными с исчислением сроков наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. В контексте защиты имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого есть основания полагать, что исчисление сроков ареста имущества должно осуществляться с учетом общих подходов, вытекающих из содержания ст. 6¹ УПК РФ.

Анализируя правовую позицию Конституционного Суда РФ по этому вопросу²⁶, важно признать, что подозреваемые, обвиняемые не в меньшей степени нуждаются в защите имущественных инте-

ресов, обусловленных особенностями исчисления сроков расследования. Например, в качестве одного из оснований приостановления производства по уголовному делу выступает отсутствие реальной возможности участия подозреваемого или обвиняемого в предварительном расследовании или в суде (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Этому могут способствовать разные причины (нахождение в длительной зарубежной командировке, плавании и др.). Сходные проблемы могут возникать при аресте имущества по уголовному делу в условиях временного тяжелого заболевания подозреваемого, обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Сохраняющиеся неопределенные по времени ограничения способны существенным образом подорвать имущественное положение указанных участников уголовного процесса при аресте имущества. Тем самым они фактически могут быть лишены возможности воспользоваться соответствующими ресурсами, в том числе и для восстановления своего здоровья. При этом защита здоровья человека также относится к его конституционным правам (ст.ст. 7, 41, 42, 55 Конституции РФ).

Используемое в ст. 6¹ УПК РФ понятие «разумный срок» имеет оценочный характер и в значительной мере определяется с учетом усмотрения должностных лиц. При этом законодатель применительно к аресту имущества установил общие критерии определения разумности срока применения указанной меры процессуального принуждения (чч. 3, 3² ст. 6¹ УПК РФ). Но, следуя за «рекомендациями» Конституционного Суда РФ, законодатель, несмотря на всю принципиальность соответствующей статьи, все же предусмотрел в ней частный случай защиты

²⁶ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 31 янв. 2011 г. № 1-П ...

имущественных интересов. Общий подход в ней не сформулирован. С учетом универсальности норм, предусмотренных в ст. 6¹ УПК РФ, идея разумного срока должна охватывать и вопросы применения к подозреваемому, обвиняемому мер процессуального принуждения, связанных с ограничением их имущественных интересов.

Развитие соответствующих охранительных мер в основном касается ареста имущества подозреваемого, обвиняемого (ст.ст. 115, 116 УПК РФ). Другие случаи, связанные с защитой указанной сферы, не предусматривают принудительного изъятия материальных ценностей из гражданского оборота. Так, залог предполагает добровольную передачу перечисленных в законе активов (денег, ценностей, недвижимого имущества и др.) в целях, предусмотренных ч. 1 ст. 106 УПК РФ. Сама по себе добровольность предполагает готовность подозреваемого, обвиняемого претерпевать определенные ограничения весь период расследования и судебного разбирательства уголовного дела. В таком случае разумность срока данного имущественного ограничения ориентирована на общие требования, предусмотренные чч. 1, 2 ст. 6¹ УПК РФ, связанные со сроками уголовного судопроизводства.

В другом случае, если речь идет о задержании подозреваемого (ст.ст. 91, 92 УПК РФ) или заключении под стражу обвиняемого (ст.ст. 108, 109 УПК РФ), защита имущественных интересов указанных лиц связана с другими обстоятельствами. Их имущество может остаться без присмотра. Возникают риски его утраты. Такого рода ограничения имеют опосредованный характер. Находясь под стражей, лицо, как правило, лишено возможности не только пользоваться и распоряжаться своим имуществом, но и обеспечивать его сохранность. Учитывая названные обстоятельства, государство данную обязанность принимает на себя (ч. 2 ст. 160

УПК РФ). Разумность сроков такого рода имущественных ограничений достаточно определенно увязывается со сроками применения данной меры пресечения (ст. 109 УПК РФ).

В условиях ареста имущества подозреваемого, обвиняемого, реализация их имущественных интересов, с точки зрения разумности сроков применения соответствующей меры принуждения, остается наиболее уязвимой. Необходимые гарантии защиты их интересов должны быть предусмотрены в ст. 6¹ УПК РФ и найти свое развитие в ст. ст. 115, 115¹ УПК РФ.

Таким образом, положение, предусмотренное в ч. 3² ст. 6¹ УПК РФ, не должно исключать подозреваемого и обвиняемого. С учетом общего конституционного подхода о защите частной собственности граждан нормы, предусматривающие разумный срок ареста на имущество необходимо распространить и на лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Реализация этой идеи предполагает внесение изменений в содержание ч. 3² ст. 6¹, а также ст.ст. 115, 115¹, 208 УПК РФ.

С учетом сказанного полагаем, что при совершенствовании законодательства ч. 3.2 ст. 6¹ УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: *«При определении разумного срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в ходе уголовного судопроизводства учитываются обстоятельства, указанные в части третьей настоящей статьи, а также общая продолжительность применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в ходе уголовного судопроизводства».*

Формируя теоретические и правовые основы системы и содержания принципов уголовного процесса, С. С. Безруков выделяет присущие им признаки [17, с. 242–243]. Оценивая их в совокупности в контексте принципиальности защиты

имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого при производстве по уголовным делам, мы не находим оснований для самостоятельного выделения принципа уголовного судопроизводства, направленного исключительно на защиту имущественных интересов данных участников уголовного процесса. Полагаем, что эти вопросы, с учетом их конституционного смысла, должны стать частью содержания выделяемого указанным автором принципа обеспечения конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства [17, с. 344, 402].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное позволяет сделать вывод, что вопросы, связанные с защитой имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого при применении мер принуждения, имеют большое социальное

значение. Развитие института частной собственности осуществляется достаточно активно. Тем не менее нормы уголовно-процессуального законодательства не всегда учитывают последние изменения, касающиеся оборота имущества, возникновением новых его форм и др. Очевидна необходимость адаптации уголовно-процессуального законодательства к фактически сложившимся в данной области отношениям. Видна устойчивая связь уголовно-процессуального и гражданского права в этой сфере. Отсутствие комплексного подхода к ее регулированию приводит к противоречиям не только на уровне межотраслевого регулирования, но и в содержании УПК РФ. Видна насущная потребность в комплексном учете рассматриваемых отношений при применении к подозреваемому, обвиняемому мер процессуального принуждения.

Список литературы

1. Небратенко О. О. Ограничение права собственности в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2021. № 12. С. 51–55. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-12-51-55>
2. Кудин Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск : Красноярск. гос. ун-т, 1985. 135 с.
3. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : моногр. Омск : Омск. акад. МВД России, 2003. 320 с.
4. Тутынин И. Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. М. : Юрлитинформ, 2017. 359 с.
5. Андроник Н. А. К вопросу об эффективности меры пресечения в виде залога // Адвокат. 2015. № 3. С. 37–43.
6. Азаренок Н. В., Камышин В. А. Об эффективности изменений норм УПК РФ о залоге // Уголовное право. 2010. № 4. С. 84–89.
7. Гуткин И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М. : [б. и.], 1969. 42 с.
8. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов : Саратов. гос. ун-т, 1978. 137 с.
9. Карев Д. С. Вопросы уголовного процесса в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 2. С. 26–38.
10. Шишов А. В. Проблемы применения залога в качестве меры пресечения // Законность. 2020. № 8. С. 56–58.
11. Цоколова О. И. Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019–2022 годы) // Российский следователь. 2020. № 6. С. 26–31. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-6-26-31>
12. Зяблина М. В. К вопросу об обеспечительных возможностях залога в уголовном процессе // Судья. 2017. № 4 (36). С. 39–41.
13. Царева Ю. В. Залог в системе мер уголовно-процессуального пресечения // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 162–168.
14. Булатов Б. Б., Ершов О. Г. О правовом регулировании и применении залога в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2012. № 7. С. 36–40.
15. Дежнев А. С. Особенности реализации требований ст. 160 УПК РФ при задержании или заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу // Законодательство и практика. 2010. № 1 (24). С. 23–28.
16. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 1–5.
17. Безруков С. С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса. М. : Юрлитинформ, 2016. 560 с.

References

1. Nebratenko O. O. Restriction of the Property Right in the Interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Russian Judge*. 2021;12:51-55. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-12-51-55> (In Russ.).
2. Kudin F. M. *Coercion in Criminal Proceedings*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ.; 1985. 135 p. (In Russ.).
3. Bulatov B. B. *State Coercion in Criminal Proceedings*. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 2003. 320 p. (In Russ.).
4. Tutynin I. B. *Theoretical Foundations of Criminal Procedural Coercion of a Property Nature*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2017. 359 p. (In Russ.).
5. Andronik N. A. To the Question of the Efficiency of a Measure of Restriction in the Form of a Bail. *Advocate*. 2015;3:37-43. (In Russ.).
6. Azarjonok N. V., Kamishin V. A. How Much Are Effective the Code Changes, Concerning Pledge? *Criminal Law*. 2010;4:84-89. (In Russ.).
7. Gutkin I. M. *Measures of Restraint in the Soviet Criminal Process*. Moscow, 1969. 42 p. (In Russ.).
8. Kornukov V. M. *Measures of Procedural Coercion in Criminal Proceedings*. Saratov: Saratov State University Publ.; 1978. 137 p. (In Russ.).
9. Karev D. S. Questions of the Criminal Process in Connection with the Draft Code of Criminal Procedure of the USSR. *Socialist Legality*. 1954;2:26-38. (In Russ.).
10. Shishov A. V. The Problems of Application of a Bail as a Measure of Restraint. *Zakonnost Journal*. 2020;8:56-58. (In Russ.).
11. Tsokolova O. I. Preventive Measures: Issues and Tendencies (2019 to 2022). *Russian Investigator*. 2020;6:26-31. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-6-26-31> (In Russ.).
12. Zyablina M. V. On the Issue of Security Features of Bail in Criminal Proceedings. *Judge*. 2017;4:39-41. (In Russ.).
13. Tsareva Yu. V. A Bail in a System of Measures of the Criminal Procedural Restraint. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2018;1:162-168. (In Russ.).
14. Bulatov B. B., Ershov O. G. On Legal Regulation and Application of Bail in Criminal Proceedings. *Russian Justice*. 2012;7:36-40. (In Russ.).
15. Dezhnev A. S. Features of the Implementation of the Requirements of Art. 160 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation During the Arrest or Detention of the Accused (Suspect). *Legislation and Practice*. 2010;1:23-28. (In Russ.).
16. Zorkin V. D. Constitution Lives in Laws. Reserves of Improving the Quality of Russian Legislation. *Journal of Constitutional Justice*. 2015;3:1-5. (In Russ.).
17. Bezrukov S. S. *Theoretical and Legal Problems of the System and Content of the Principles of Criminal Procedure*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2016. 560 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимур Талгатович Баязитов, аспирант кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (Омск, Российская Федерация); заместитель председателя коллегии адвокатов города Москвы «Корчаго и партнеры», адвокат Адвокатской палаты г. Москвы (Скатертный переулок, 15, стр. 1, Москва, 121069, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3412-7129>; e-mail: tim_ka_256@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Timur T. Bayazitov, Postgraduate Student at the Department of Criminal Law and Procedure of the Siberian Law University (Omsk, Russian Federation); Deputy Chairman of the Moscow City Bar Association “Korchago and Partners”, Lawyer of the Moscow Chamber of Advocates (15, bldg. 1 Skatertny lane, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3412-7129>; e-mail: tim_ka_256@mail.ru

Поступила | Received
11.04.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
17.04.2023

Принята к публикации | Accepted
05.06.2023